

После такого отступления, посвященного объяснению понятий, вернемся к вопросу о том, какие именно особые формы нарциссического выбора объекта необходимо учитывать при описании нарциссически обусловленных ролей ребенка. Исходя из известных типов нарциссического выбора объекта, предложенных Фрейдом в очерке «О нарциссизме», можно изменить их применительно к отношениям родителей и детей следующим образом.

В ребенке ищут следующее:

- а) то, кем человек является (себя самого);
- б) то, кем человек являлся;
- в) то, кем человек хотел бы являться;
- г) личность, бывшую частью его собственной самости.

В дополнение к классификации Фрейда предлагается следующий тип, который мы рассмотрим позже:

- д) то, кем человеку запрещено являться.

2. РЕБЕНОК КАК ТОЧНАЯ КОПИЯ РОДИТЕЛЯ

Генез и характеристики роли

В случае типа *a* родители в соответствии с формулировкой Фрейда ищут в ребенке «то, кем они являются (себя самих)». У. Мозер¹ говорит, что такой тип выбора партнера можно назвать «совершенным нарциссическим выбором». Родители неосознанно требуют от ребенка точного воспроизводства того, кем являются сами, включая защитные механизмы, отрицания, образ мыслей и т. д.

Пока неизвестно, откуда берется то, что некоторые принуждают своего ребенка к точному воспроизводству себя. В качестве общего условия предполагается ярко выраженный *нарциссизм*. Но это предположение неинформативно. Для дальнейше-

¹ Moser U. Psychologie der Partnerwahl, 1957.

го прояснения определяющих факторов рассмотрим идеи Э. Менакера¹.

Менакер исследовал значение образа самости как защитной функции. Исследование показало, что некоторые люди во время психоаналитического лечения бессознательно требуют, чтобы увиденная психоаналитиком картина обязательно совпадала с их собственным образом самости. Посредством нарциссической проекции в том виде, как она объясняется здесь, анализируемый убежден, что его требование исполнено, то есть его образ самости полностью идентичен представлению психоаналитика. Любое сомнение в этом вызывает страх и агрессию. Если врач подтверждает, что его картина отклоняется от образа самости анализируемого, тот впадает в тревогу. Но откуда она берется? Э. Менакер объясняет данный феномен ранней стадией развития ребенка, на которой примитивная самость и материнский объект у ребенка еще неразличимы. Границы это еще не очерчены настолько, чтобы обеспечить собственную самость. Исчезновение матери в это время равноценно краху примитивной самости. Согласно Менакеру, на этой стадии остаток страха разлуки может привести к тому, что некоторые явно нарциссические личности и впоследствии не смогут перенести ситуации, когда их образ самости подвергается сомнению. Если другой человек не подтверждает их представление о себе, они реагируют так же, как если бы им одновременно угрожали полной потерей контакта и крахом их самости. Они в известной степени общаются с другими людьми через этот образ. Поэтому их представление о другом человеке всегда связано с острой необходимостью точного соответствия образа самости с его видением другим человеком.

Если извлечь из этих наблюдений и интерпретаций связь с типом родителей, желающих, чтобы ребенок развивался в точности с их собственным образом самости, то отсюда можно пойти дальше. Если предположить, что речь идет о родителях,

¹ *Menaker E. The self-image as defense and resistance, 1960.*

с особой тревогой желающих подтверждения своего образа со стороны близких, то они будут ожидать того же от своих детей. Но теперь ребенок выражает способ *видения* родителя тем, что посредством имитации и идентификации *перенимает* наблюдаемые признаки. Следовательно, такая мать особенно нетерпеливо ожидает, что дочь *уподобится* ее образу самости.

Но существует еще одно наблюдение. Некоторые нарциссические родители живут с фантазией о собственном *совершенстве*. Они отрицают перед самими собой, что им плохо удалось осуществление собственного эго-идеала, и, чтобы поддерживать иллюзию совершенства, отрицают даже его. Следовательно, их ребенок не может признать те правила и идеалы, чье отрицание стало слишком сложным. Потому что если он не присоединится к отрицанию, то будет угрожать защитной системе родителей и вызывать тревогу. Такие родители борются за сохранение своей нарциссической фантазии о совершенстве в социальной реальности, которая ежедневно показывает им, что их образ самости построен на иллюзии. Но если ребенок перенимает их формы защиты идентичным образом и копирует их представление о себе, то они получают по крайней мере одного союзника, признающего их правоту.

В психиатрической практике такая форма нарциссической проекции нередко обнаруживается у фаллических матерей с «явным комплексом мужественности» (Х. Дойч¹) или у матерей «мстительного типа» (К. Абрахам²), бессознательно требующих от дочерей перенимания тех же форм защиты. Интересным в этом контексте кажется наблюдение Е. Фюрст³, ученицы Юнга, которая провела ассоциативный эксперимент с сотней испытуемых и изучила поведение по типу реакции

¹ Дойч Х. Психоанализ женских сексуальных функций. — Ижевск: ERGO, 2013. — *Примеч. пер.*

² Абрахам К. Формы выражения женского комплекса кастрации. — Ижевск: ERGO, 2011. — *Примеч. пер.*

³ Fürst E. Statistische Untersuchungen über Wortassoziationen und über familiäre Übereinstimmung im Reaktionstypus bei Ungebildeten, 1910.

между супругами, а также между родителями и детьми. В случае, когда тип реакции женщины сильнее всего отличался от реакции супруга, одновременно наблюдалось намного превышающее среднее значение совпадение по типу реакции между матерью и дочерью. Так, почти полная идентификация дочери с матерью появилась в результате конфликта, когда исповедующая учение христианской науки мать жила с отцом, предположительно грубым и глупым алкоголиком.

Следующая история болезни из нашей собственной серии исследований покажет подробно, как роль ребенка развивается точной копией родительского образа самости и как он рассматривает свою роль.

Пример:

История болезни Гизелы Б., г. р. 1949.

Предыстория: никаких наследственных заболеваний по родству в восходящей линии не выявлено. У Гизелы есть сестра, родившаяся в 1951 году, и брат, родившийся в 1954 году.

Г-жа Б., мать Гизелы, очень раздражительная, подчеркнута энергичная женщина 36 лет, дочь полицейского. Ее вырастили бабушки с дедушками. Воспитанием занималась претенциозная бабушка, которая некоторое время назад была помолвлена с гвардейским офицером и приучала внучку к мысли однажды попасть в «высшие слои общества». В возрасте трех лет ей уже нужно было правильно пользоваться ножом и вилкой, а во время еды она получала по полстакана разбавленного водой вина. Ей разрешалось играть только с детьми руководителей маленького города вроде главного лесничего, начальника окружного управления, коменданта. Очевидно, что стеничное социальное честолюбие бабушки, используемое ею для воспитания внучки, было результатом ее собственных нереализованных фаллических амбиций. Ее величайшим триумфом были дни, когда внучка играла в теннис с дочерью начальника окружного управления, принадлежавшей графскому роду, или ездила вместе с ней на велосипеде в шортах, так что люди

оборачивались им вслед. Внучка, уже отождествившая себя с эго-идеалом бабушки, также наслаждалась этими вызывающими ее наибольшую гордость, захватывающими встречами с городской элитой. Она хотела стать редактором или отправиться в иностранные колонии. Несколько ее статей были все-таки напечатаны в окружной газете. «Да, тогда я что-то представляла собой!» — комментирует она свои достижения.

Воодушевленная идеологией того времени, она заняла должность в партийном аппарате, занимавшемся управлением оккупированными территориями. Она сдружилась с офицером-летчиком точно по примеру бабушки: «Сумасшедший парень, он как бешеный кружил над церковным шпилем, когда навещал меня в отпуске». Отношения не сложились, зато она вышла замуж за другого, тоже орденосного летчика, члена знаменитой эскадрильи. После войны этот видный, но ни к чему не способный человек полностью сломался. Он оказался избалованным, честолюбивым, провалил многочисленные собеседования при приеме на работу, пока не опустился до должности кондуктора в городском трамвае — страшное социальное унижение в его глазах, но особенно в глазах жены. Надежда на то, что благодаря престижу мужа ей удастся компенсировать недостаточную реализацию собственного, помужски окрашенного эго-идеала, была окончательно разбита. В ней развилась почти фанатичная враждебность к обществу, в которой участвовал и более слабый муж. Хотя они обеднели и жили в убогом доходном доме для рабочего класса, внешне они карикатурно педантично продолжали вести образ жизни, который считали подобающим. Они вели себя вызывающе по отношению к другим жителям. Где только возможно нарушали общепринятые нормы и оскорбляли окружающих подчеркнуто претенциозным поведением. Г-жа Б. не ощущала себя частью бедняцкого дома, и другие должны были помнить об этом.

Существенная деталь: когда г-жа Б. некоторое время работала на фабрике, она принципиально обращалась к работницам на «вы», хотя все остальные были с друг другом на «ты». В перерывах она не ела в цехе вместе с коллегами, а выходила во двор.

Даже в проливной дождь она отказывалась садиться за стол к другим женщинам. Когда ей задали вопрос о причинах столь странного поведения, она ответила: «Хотя я и могу работать с вами, дамы, но... есть?» Г-же Б. нравилось, что ее называли надменной. Агрессивная составляющая ее отношения становилась все более очевидной. Антисоциальное протестное поведение стало для нее настолько обобщенным, что она восставала не только против норм более низкого социального слоя, в котором чувствовала себя несправедливо оказавшейся, но и против норм общественного порядка как таковых. Весь мир правящих ценностей исказился: хорошо то, что не как у других. «Любой ценой не быть как другие». Совершенно не стоит стремиться к признанию в рамках существующих общественных идеалов. Гораздо значимее утверждаться за счет действующего в обществе порядка. Тогда ты не социальный аутсайдер, не завистливый неудачник, а настоящий победитель. У г-жи Б. возобладало отрицание и почти извращение ее первоначального эго-идеала. В то же время она снимает с себя чувство вины посредством проекции: не она, а общество не оправдало ожиданий и теперь должно терпеливо сносить наказание г-жой Б.

Первое время женщина не была довольна родившейся в 1949 году дочерью Гизелой. Г. оказалась флегматичным, добродушным ребенком, который поначалу развивался совершенно нормально и легко поддавался воспитанию. Она, по словам матери, была «скучной размазней». Все изменилось, когда Г. в возрасте трех лет пережила рождение младшей сестры. Она начала устраивать всевозможные проказы, очевидно, выражая чувство ревности. Если Г. атаковала детей на детской площадке и уничтожала их домики в песочнице, то мать защищала ее от жалоб других родителей. Г. разрешалось защищаться от возмущенных взрослых теми же дерзкими словами, что использовала дома мать против отца. Я цитирую мать: «Я никогда не ощущала себя блюдущей честь мамашей! Упаси меня Господи!.. Главное, что мои дети совершают глупости, а не живут, как какие-то там размазни». Можно видеть:

ребенок должен обязательно идентифицироваться с антисоциальным протестным поведением матери. Быть послушным и порядочным — скучно и нежелательно. Напротив, вести себя мятежно и устраивать скандалы — интересно и почетно.

Г. в возрасте семи лет попала в больницу с туберкулезом легких и вскоре стала кошмаром для медсестер и маленьких пациентов. Не реагирующая ни на какие предупреждения, она непрерывно мешала режиму работы детского отделения. Если ей делали выговор, она громко смеялась. Чувство вины казалось ей чуждым. Она съедала продукты других детей, без видимой причины ломала чужие игрушки или вырывала пуговицы у халатов. Она украла спички у медсестер, устроила фейерверк в больничной палате и, совершенно не стесняясь, мочилась на террасе для приема солнечных ванн в лоток для стока дождевой воды.

В знак протеста мать появилась на приеме у психиатра: ни ей, ни ее дочери психотерапевт не нужен. Пусть говорят, что хотят: «Меня очень позабавило, что Гизела устроила фейерверк и пописала в водосточную трубу. Разве это ненормально? Она всего лишь маленькая озорница, а не какой-то там скучный среднестатистический ребенок!»

Во время обследования девочки в январе 1957 года были сделаны следующие *выводы и наблюдения*.

Физическое развитие: Г. — сильный ребенок пикнического типа телосложения. Помимо специальных результатов обследования легких полное обследование организма не выявило патологических отклонений от нормы.

Психическое развитие: девочка с небольшой задержкой умственного развития ни в коей мере не показывает приписываемый ей матерью «повышенный интеллект», а скорее тугодумие при восприятии. Оценка осложняется мрачным, негативным отношением к обследованию (к сожалению, в больнице ей объяснили, что психиатрическое обследование будет наказанием за ее злые проделки).

Бросается в глаза контраст между игровым поведением скорее маленького ребенка, еще недостаточной дифференциацией речи, неуклюжестью в художественном оформлении, с одной стороны, и критическим, отчасти насмешливо снисходительным поведением по отношению к врачу, с другой стороны, что абсолютно схоже с материнским поведением. Поощрение и принятие не способствуют ее готовности к адаптации. Она нагло усмехается, дает преимущественно дерзкие ответы и откровенно демонстрирует решимость ни в коем случае не дать себя запугать. Г. целиком и полностью настроена на сопротивление. С игровым материалом она обращается грубо импульсивно, с явным агрессивным акцентом. Однако ее негативное поведение отчасти демонстративно, притворно и утрированно. В сущности, она неуверенная и напряженная. Ее провокационная манера создает впечатление превентивной реакции в ответ на неприятие и обвинения, втайне ожидаемые ею от врача, как если бы она хотела показать: «Ты, конечно, будешь меня ругать. Сейчас ты увидишь, как мало меня это волнует».

И все же примечательны отсутствие чувства дистанции и импульсивная несдержанность ее поведения. Принимая во внимание наблюдение за Г. в больнице, подтверждается предположение о недостатке позитивной готовности к подчинению и интеграции в коллектив либо о явной радости от оппозиционной манеры поведения.

Диагноз: невроз с диссоциальным расстройством личности.

Течение заболевания: туберкулез заставил Г. провести целый год в детском туберкулезном санатории в Западной Германии, где она была полностью лишена влияния родителей. Поначалу, как и ожидалось, снова возникли трудности с адаптацией. Однако постепенно при помощи очень понимающего медицинского персонала девочка начала снижать негативистское сопротивление. Она стала играть и мастерить в углу палаты. Врачи тщательно следили за тем, чтобы остальные маленькие пациенты с пониманием относились к ее особенно раздражительному характеру.

С течением времени нарушение контактов ослабело настолько, что ее приняли в общество сверстников. Как сообщала местный врач, Г. стала популярной в группе. Хотя она предпочитала заниматься самостоятельно, но постепенно привыкла помогать другим. Через год разлуки с родителями ее диссоциальное расстройство почти полностью прошло.

После возвращения из санатория, где она, кстати, никогда не тосковала по дому, положительная психическая динамика Г. полностью подтвердилась при повторном обследовании, хотя она пришла на прием, демонстрируя определенную эмоциональную сдержанность, но без прежнего негативизма. При общении с врачом она начала проявлять инициативу и показала в целом гораздо большее желание к адаптации. Однако мать казалась скорее недовольной изменением девочки. Она сделала критическое замечание о том, что Г. снова стала «размазней». Мать воспринимала улучшившееся социальное положение дочери как шаг назад, своего рода капитуляцию. Отзываясь о Г. уничижительно, она, сияя, хвасталась младшей сестрой девочки Линой, которая недавно была отправлена в клинику. Так вот та не проронила с врачами и медсестрами ни слова! В ответ на переспрос г-жа Б. объяснила, что считает великолепным, что Л. «не так легко заманить в ловушку».

К сожалению, невозможно было контролировать дальнейшее развитие Гизелы, поскольку на последующие приглашения мать не реагировала. Хотя мы очень старались не провоцировать г-жу Б., она, конечно же, должна была заметить, что в нашем центре не поддерживают ее основанный на враждебности образ мышления. Для нее даже визит к психиатру был угрозой формирования реакции, ведь врач представлял собой общественный порядок, к отрицанию которого она так настойчиво стремилась. Г-жа Б. гордилась тем, что ее дети ведут себя «неприлично» и вызывающе, в то время как психиатр считает такое поведение ненормальным и заинтересован в его исправлении. Она поддерживала бы постоянный контакт с врачом только в том случае, если бы тот разделил ее антиобщественную идеологию и помог ей закрепить формирование невротической реакции. Психиатр

должен был сознаться ей, что Гизела и Лина «великолепны», поскольку нарушали систему социальных норм, а такое желание не могло быть им выполнено.

Спустя три года после прекращения г-жой Б. общения с нашим консультационным центром стало известно, что против ее мужа возбуждено уголовное дело за нелегальный радикализм. По причине врачебной тайны невозможно более подробно охарактеризовать данную деятельность и показать, как она вытекает из антисоциальной идеологии семьи. Примечательно, что г-жа Б. не без гордости сообщила нам печальную новость сразу после ареста мужа. Хотя этот удар имел серьезное отрицательное значение для и без того плохого материального положения семьи, женщина не могла скрыть определенное удовлетворение возможностью снова привлечь к себе внимание. Точно так же, как ранее, по собственному признанию, она наслаждалась шокирующей склонностью Г. к безнадзорности, теперь ей доставляло извращенное удовлетворение то, что она может выделиться ценой правонарушения мужа. Кстати, больше уже не было возможности узнать, была ли она сама (и в какой степени) вовлечена в преступления своего супруга.

Вывод. Посредством идентификации с бабушкой г-жа Б. приобретает ее эго-идеал мужских социальных амбиций. Муж, обязанный реализовать этот эго-идеал вместо нее, терпит неудачу. Одновременно катастрофа 1945 года¹ положила конец ее надеждам на карьерный рост. Данная травма, очевидно, приводит к частичному превращению нейтрализованной энергии в откровенную агрессию. Г-жа Б. восстает против социальной реальности как таковой архаично, хоть и с сохранением определенного эксгибиционистского кокетства. Такая реакция против болезненно упущенного эго-идеала требует от нее безжалостного принуждения дочери к идентификации с ее установками. Если бы девочка признала существующие общественные ценности, вместо того чтобы перенять материнский антисоциальный протест, то поставила бы под угрозу форми-

¹ Имеется в виду капитуляция фашистской Германии. — *Примеч. пер.*

рование всей материнской реакции. Поэтому она должна быть такой же, как мать. Фактически девочка вписалась в требуемую роль. Из-за устранения надлежащих отказов и требований отсутствует фундамент для нормального развития суперэго. Выпущенная наружу из-за ревности к сестре агрессивная энергия могла беспрепятственно, даже в откровенно антисоциальной форме, реализовываться вне дома. Такое поведение даже вызывает особое материнское одобрение.

Дальнейшее течение заболевания показывает важность материнского влияния на развитие ребенка: в течение всего лишь года после отделения от матери диссоциальное поведение девочки почти полностью исчезло. Однако возвращение Г. к родителям, несомненно, несет в себе серьезную угрозу рецидива.

В этом случае подтверждаются особенно неблагоприятные эффекты, описанные Р. Кенигом¹ как типичные для воздействия на ребенка в «сверхорганизованной опустившейся семье».

Травмирующее значение роли

Как и в большинстве описанных здесь ролей, для этого типа характерны особая интенсивность и односторонность родительского притязания, обуславливающего пагубный результат. Тот факт, что родители пытаются создать ребенка «по своему подобию», вызывает озабоченность не как наблюдаемая в воспитательных идеалах большинства родителей тенденция, положительного влияния которой на ребенка нельзя отрицать при условии, что у него имеется достаточно возможностей для самостоятельного развития, а родители являются интегрированными, эмоционально сбалансированными и социально адаптированными личностями. Однако если упомянутые условия не выполняются и появляются правила роли ребенка — а это неизбежно — как повод для устранения нерешенных конфликтов с помощью детей, то в этой функции кроются опасные моменты, как показала приведенная патография.

¹ König R. Überorganisation der Familie als Gefährdung der seelischen Gesundheit, 1949.